

ОППОЗИЦИЯ «ПАРАДНОЕ – ПРИВАТНОЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ ДМИТРИЕВА

Н. А. Гуськов

Антитеза, вынесенная в заглавие предлагаемой статьи, заимствована из известной басни И. И. Дмитриева, где беседуют Сверчки, живущие в одном доме. Тот, что поселился в передней, хвалит хозяина за вежливость, трудолюбие и чуткость к просителям.

Дружок! Ты, видно, век в прихожих только жил
И вместо лиц привык рассматривать личины;
Не то бы ты сказал, узнавши кабинет!
В передней барин то, чем хочет он казаться,
А здесь – каким родился в свет:
Богатому служить, пред сильным пресмыкаться;
А до других и дела нет:
Вот нашего ханжи и все тут уложение!
Оставь же лишнее к нему ты уваженье!
И в обществе людском,
Где многое тебе покажется превратным,
Умей ты различать двух человек в одном:
*Парадного с частным*¹.

На первый взгляд, это традиционная сатира на лицемерие подьячих. На самом деле проблема, затронутая в басне, сложнее. Во-первых, противопоставления «личины» – «лицу» и человека «парадного» – «частно-

¹ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 222–223. Далее ссылки на это издание даны в тексте.

му» не тождественны. Во-вторых, последняя оппозиция может трактоваться как противопоставление и «потаенного» «показному» (именно так в источнике басни у А. Удара де ла Мота), и «частного» «публичному». В-третьих, отрицательно в басне охарактеризована «приватная» сфера (то, «каким родился в свет» персонаж, то есть его естественное состояние), а это нехарактерно для творчества Дмитриева и его современников. Перечисленные странности побуждают обратиться к контексту, в свете которого формула, вынесенная в мораль басни, отсылает к «проклятым» вопросам, вставшим перед русскими литераторами на рубеже XVIII–XIX столетий.

Начиная с эпохи рококо в Европе, а затем и в России проблема цельности характера и поведения приобрела болезненную остроту. Представление о том, что личность должна однородно проявляться вне зависимости от обстоятельств, – один из опорных принципов традиционной морали, не допускающей двуличия. Однако уже к XVIII веку дифференциация общественных сфер, появление в них новых, трудно совместимых функций, переоценка патриархальных ценностей и расшатывание сословного этикета приводили к тому, что сохранить единую линию поведения было далеко не всегда возможно. Между тем просветительская идеология продолжала усматривать порок в самом факте перехода от одной формы поведения к другой. При этом нараставший под влиянием просветителей культ естественности, приобретший к концу XVIII века уже черты индивидуализма, во имя реализации природного нрава отвергал как смену многообразных социальных амплуа, так и традиционное сословно-этикетное поведение, ограниченное условностями лишь одного из этих амплуа. Для разрешения перечисленных несообразностей нужны были новые этические установки, поиск которых и отразился в литературе XVIII века. Внутренние побуждения по разным критериям все резче противопоставляются внешним требованиям, и человек оказывается перед выбором: избрать ли только одну из поведенческих моделей или совместить несколько, оправдав себя чьим-то авторитетным суждением.

В европейской литературе, особенно в английской, разработка данной проблемы достигла тонкого по тем временам психологизма. Раздвоенность, изменчивость натуры, наслаение страстями и расчетом на естественную основу личности маскирующих ее слоев, причем порой вполне органично и не в ущерб ближнему, без нарушения нравственных норм, – это расхожая проблематика романа и драмы XVIII века.

Русские писатели, в психологической стороне вопроса не слишком искушенные, были потому к ней довольно равнодушны. Зато социальная сторона – совмещение естественных движений личности и сословного или

служебного этикета, долга, системы общепринятых норм – соотношение парадной и частной сферы, которые уже не всегда мыслились в гармонии, – все больше волновала образованное общество екатерининского времени. Различные решения этой проблемы предлагали писатели львовского кружка и московские сентименталисты. Позиция Дмитриева, чьи литературные вкусы сформировались под влиянием тех и других, представляет особый интерес, который усиливается тем, что Дмитриев действовал одновременно на поприще литературном и государственном, а двойственность – отличительная черта его натуры, отмеченная многими современниками.

Точка зрения Дмитриева на рассматриваемую нами проблему может показаться эклектичной. В ряде басен («Мышь, удалившаяся от света», «Кот, Ласточка и Кролик», «Лиса-проповедница») он в традиционном духе обличает лицемерие. Поэт познакомил русского читателя и с ранним образцом просветительской интерпретации двойственности поведения – «Посланием от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту», где речь идет не о ханжестве, а о естественном и неестественном поведении².

В посланиях, письмах, мемуарах Дмитриева часто воспеваются в духе сентиментализма естественный образ жизни на лоне природы в кругу избранных родственных душ, отказ от социальных моделей поведения, искажающих сущность личности:

Эрмитаж мой – огород,
Скипетр – посох, а Лизета
Моя слава, мой народ
И всего блаженство света!

(«Видел славный я дворец...»; С. 130)

Таково и обращение к друзьям в 1800 году после отставки:

Итак, владейте впредь вы мною без раздела;
Питайте страсть во мне к изящному всему
И дайте вновь полет таланту моему.
Означим остальной наш путь еще цветами!

² Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 101–113. Показательно, что Дмитриев избрал этот ранний просветительский текст, хотя был знаком с более глубокими в психологическом плане разработками проблемы в сочинениях аббата Прево, а также Филдинга, Вольтера и Руссо.

Где нет коварных ласк с притворными словами,
Где сердце на руке, где разум не язвит,
Там друг ваш и поднесь веселья не бежит.
Так, братья, данные природой мне и Фебом!
Я с вами рад еще в саду, под ясным небом,
На зелени в кустах душистых пировать;
Вы станете своих любезных воспевать,
А я... хоть вашими дарами восхищаться.
О други! я вперед уж весел! может статься,
Пример ваш воскресит и мой погибший дар.
О, если б воспылал во мне пермесский жар <...>

(С. 154–155)

Здесь недвусмысленно сказано, что занятия творчеством возможны лишь в уединении, среди близких, искренних людей (об этом – ниже).

Откровенность же по Дмитриеву возможна лишь вдали от светской суеты. В «Послании к приятелю с дачи» (1795) «добрый друг своих друзей» живет в «китайской лачуге» под Петергофом:

Дни смирнехонько проводит,
Не боясь лихих людей.
Он тебя с любезным братом
На обед к себе зовет;
Ни фарфором он, ни златом
Перед вами не блеснет,
Но Усердие вас примет,
Дружба скажет: в *добрый час!*
Смела Искренность обнимет
И за стол посадит вас,
А Веселость по стакану
Поднесет чего-нибудь.

(С. 308)

Описанная модель поведения надолго станет обязательной для сентиментального дружеского послания. Дмитриев сквозь ее призму порой оценивал и реальные жизненные ситуации. Так, в записках он рассказывает о последней встрече с Карамзиным в Царском Селе, где именно светская суета, парадная обстановка помешали интимному, искреннему и творческому общению друзей: «Сколь ни приятно для меня было жить почти под одною

кровлею с старинным, единственным моим другом, слушать его и восхищаться чертами прекрасной души его, любоваться его и славою и домашним счастьем; признаюсь, однако ж, что ни одного тогдашнего утра и вечера не мог я сравнить с теми, кои мы проваживали в Москве, один на один, когда Карамзин, еще до первой женитьбы своей, жил на Никольской улице <...> Здесь (в Царском Селе. – Н. Г.) я бывал с ним по несколько дней неразлучным, но не помню, чтоб хотя четверть часа мы были без свидетелей. Казалось, будто мы встречались все мимоходом. Двор, изредка и слегка история, городские вести были единственным предметом наших бесед, и сердце мое ни однажды не было спрошено его сердцем. Я уверен был и тогда в его любви, а чувствовал грусть и не мог вполне быть довольным»³.

В тех же мемуарах и в ряде стихотворений отражены и принципы писателей львовского кружка: образ жизни должен быть предельно искренним выражением личности и вместе с тем направлен на благо общества; время и различные душевные свойства разумно и гармонично распределены между парадной и приватной составляющими жизни. Это позволяет сохранить независимость, не порывая с обществом и принимая его многообразии и антиномии. Восхищение такой позицией чувствуется уже в первом напечатанном тексте Дмитриева – надписи к портрету кн. А. Д. Кантемира. В послании к одному из участников львовского кружка, Державину (1805), Дмитриев восторженно отметил уникальную способность адресата, который

...способен

Петь и под шумом сердитых валов,
Как и при ниве, – себе лишь подобен –
Языком богов!

(С. 118)

Иногда Державин выступает в мемуарах Дмитриева человеком, обретшим искреннюю независимую жизненную позицию, возвышающуюся над канонами чиновного этикета и личными страстями. Иногда эта функция переходит к другим, например к В. П. Петрову: в посланиях к Г. А. Потемкину, «когда он еще был камер-юнкером и после генерал-майором, поэт называл его своим другом. Тот же тон сохранил он и в позднейших стихах, когда воспеваемый им был уже на высокой степени могущества и славы»⁴.

³ Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 308.

⁴ Там же. С. 277.

Ярким воплощением жизненной философии, напоминающей ту, что исповедовали Державин и Капнист, выступает адресат послания Дмитриева А. Г. Толбугин:

Друг изящного в природе
И судья а ла козак,
Поперек идущий моде,
Неприятель всяких врак;
Муз и музыки любитель,
Голубков, дроздов гонитель,
Грубый скиф по бороде,
Нежный Орозман душою,
Не по светскому покрою,
Одинаковый везде;
Не ханжа и не ласкатель,
О любезный созерцатель
В банях бабьей красоты!
Плюнь на светски суеты,
О поклонниче Заиры!

(С. 335)

Обратим внимание на черту, речь о которой пойдет ниже: несовпадение внешности и душевных наклонностей, противоречие вкусов этого колоритного персонажа не подвержены этической оценке, не нарушают обаяния, органичности и гармонии его образа и не являются ханжеством (это сказано прямо).

Разноречивую интерпретацию двойственности поведения нельзя объяснить равнодушием Дмитриева к этой теме – слишком уж часто он к ней обращался. У него была своя, не декларированная прямо, но оригинальная и ощущавшаяся многими современниками точка зрения.

Анализ его произведений свидетельствует о следующем: едва ли не первым в русской литературе Дмитриев показал, что оценка зависит не от самого поведения или поступка, а лишь от его восприятия, что дело не в самом факте несовпадения сущности и видимости, а в ситуации, при которой несовпадение обнаруживается, индивидуальные случаи невозможно анализировать с готовой мерой. Это выражено косвенно и объективно вытекает из художественной организации текстов, причем является плодом не прозорливости или философских раздумий, а лишь игрового характера творчества и поведения поэта.

Игра не знает этической оценки, этическую проблему Дмитриев перенес в эстетический и эмоциональный план, заменяя поучение развлечением или переживанием. Такой подход, столь присущий культуре рококо, проявился у многих видных русских авторов задолго до Дмитриева, но едва ли у кого-то восторжествовал над серьезным рациональным восприятием нравственных проблем. Дмитриев тоже не доходит до цинизма, поскольку его игра замкнута в пределах светского приличия, за которыми допустимо самое строгое морализаторство.

Для организации игрового художественного мира Дмитриев, например, активно использовал в разных жанрах принципы поэтической басни, в новой европейской литературе неизменно связанные с изысканной салонной игрой. Как показал Л. С. Выготский, эффект поэтической басни – во взаимодействии противонаправленных тенденций: утверждения морали и ее опровержения⁵. Автор и дает оценку происходящему, и устранился от нее, заставляя переживать нравственную проблему чисто эстетически.

Прежде чем говорить о реализации этого принципа в творчестве Дмитриева, отметим, что двойственность – не просто свойство его души, но и знаковый признак его повседневного поведения, выстроенного по законам игры. Не исключено, что эта деталь сознательно подчеркивалась, во всяком случае – не скрывалась, вызывая противоположные оценки, о которых поэт мог слышать или догадываться.

Традиционно мыслящие недоброжелатели, исходя из строгих этических установок, не принимая условий игры по разным причинам, объявляли поэта лицемером. Таковы суждения И. М. Долгорукова и М. М. Попова, писавших: «<...> Он был заманчив только издалика. Кто узнавал его близко, тот много разочаровывался. Министр по наружности, благородный в своих стихотворениях, осторожный и приличный в самых эпиграммах и сатирах, нравоучитель в баснях, проповедник нежности к людям и даже к животным был совсем не то в домашней жизни и общественных связях. Он был скуп и одевал людей своих дурно, кормил еще хуже. Поступал он с ними, как степной помещик; при самом малейшем проступке или потому только, что сам вспылил, он тотчас прибежал к расправе. С знакомыми он обращался двулично. За глаза он не щадил никого, а в глаза казался каждому чуть не другом <...> Иногда с кем-либо из гостей он был чрезвычайно ласков и доверчив, так что можно было почесть этого гостя самым близким его другом. Гость уезжает, и Дмитриев, проводив его с поклонами и просьбами навещать почаще, возвращается с насмешками над ним! Этим Иван

⁵ *Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1997. С. 136, 168–175.*

Иванович много терял в общем мнении: люди почтенные, имеющие право на уважение, отставали от него; мелкие стихоплеты, писатели, ничтожные по уму и образованию, всякий сброд наполняли его гостиную. Зато он и тешился над ними, как хотел!»⁶

Здесь предвзято, но выразительно описано несовпадение литературного и бытового образа писателя. Дмитриев в записках сам сурово противопоставил свой житейский образ литературному, но тому, какой безуспешно мечтал усвоить, а не собственному, который считал вполне выражающим его личность. «Притворства и в стихах казать я не хочу: / Поется мне – пою; невесело – молчу» (с. 122), – обращался он к Карамзину. Невозможность отказаться от привычного, повседневного своего амплуа и принять истинно поэтическое, по словам Дмитриева, и заставила его отказаться от занятый стихотворством.

Доброжелательно настроенные современники включались в игру, а двойственность натуры Дмитриева объясняли не столько индивидуальными, сколько социокультурными причинами и оправдывали ее. «Как во всяком необыкновенном человеке, было в нем много противоположностей: в нем все было размеренно, чинно, опрятно, даже чопорно, как в немце; все же привычки, вкусы его были совершенно русского барина; квас, пироги, паче всего малина со сливками были его наслаждением. Любил он также и шутов, но в них посвящал обыкновенно чванных стихоплетов. Многие почитали его эгоистом потому, что он был холост и казался холоден. Любил он немногих, зато любил их горячо: прочим всегда желал он добра; чего требовать более от человеческого сердца?»⁷ – вопрошал Ф. Ф. Вигель. «Один приятель заметил мне, что И. И. Дмитриев был холоден в обращении и что будто от него отдаляла эта холодность. Ответствую на это, – объяснялся племянник поэта М. А. Дмитриев, – что люди хорошего обращения никогда не кидаются на шею, как провинциалы; может быть, некоторым из тогдашнего нового поколения он казался холоден потому, что ровный тон порядочного общества был им в диковинку, то есть они хотели бы не сами ему учиться, а переменить старика. Но этим людям прошлого века трудно бы было переродиться»⁸. Похоже, что такого же мнения придерживался и П. А. Вяземский.

Здесь речь идет уже не о лицемерии. Этикетное и фамильярное поведение, несмотря на то, что они порой противоположны друг другу, в рав-

⁶ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 495.

⁷ Там же. С. 482–483.

⁸ Там же. С. 485.

ной степени органичны для человека определенного общественного круга и воспитания, поэтому уместная смена типа поведения, умелое применение и чередование противоположных амплуа может быть поставлено скорее в заслугу, нежели в вину. Очевидно игровую ситуацию с шутами анализировать в этой статье нет возможности.

Сам Дмитриев аналогично отзывался о своей двойственности. В письме П. П. Бекетову 25 ноября 1798 года он рассуждал: «Итак, и я превосходительный! Et moi, je suis peintre aussi! (И я теперь живописец. – Н. Г.). Но это титул возвратит ли мне брата, которого кончина никак из мыслей моих не выходит? <...> однако ж не думай, что я стал меланхоликом по всей форме. Нет, мой друг, характер не переменяется, равномерно и мой, как его несчаствия ни коробят: я грущу, только когда один, по утрам и вечерам; а в собраниях, разумею с приятелями, по-прежнему смеюся и болтаю; бываю в театре, на балах и везде показываю вид человека, по крайней мере, в бархатном кафтане»⁹. Это не признание в двуличии, напротив, раздвоенность поэта психологически объяснима и оправдана: в приватной сфере он дает волю естественному горю, на людях столь же органично отдается исполнению общественного долга – обязанностям светского человека, к тому же только что повышенного в чине. Это поведение может получить любую этическую оценку (например, с точки зрения последовательного сентиментального меланхолика оно недостойно), Дмитриев же попросту игнорирует саму возможность оценки, кроме юмористической. Он и был одним из родоначальников юмора в русской словесности.

По своему опыту поэт знал – не всякое несоответствие видимости и сущности характера и поведения можно оценить этически. В записках он говорит о себе: «Чаще был весел, чем печален, хотя по наружности и кажусь задумчивым»¹⁰. Внешность, таким образом, обманчива, об этом часто свидетельствуют сочинения Дмитриева. «Вперед по виду ты не делай заключенья» (с. 188), – закончил он одну из популярнейших басен «Петух, Кот и Мышонок». И Петух, и Кот в ней не лицемерят: Мышонок сам ложно истолковал их характеры, причем в обоих совмещаются органически противоположные качества, которые обнаружил и которые не заметил в них Мышонок: Кот и ласков, и опасен; Петух и задирист, и безвреден. То же видим и в известной эпитафии:

Какой ужасный, грозный вид!
Мне кажется, лишь скажет слово,

⁹ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 377.

¹⁰ Там же. С. 367.

Законы, трон – все пасть готово...
Не бойтесь, он на дождь сердит.
(С. 338)

Ирония направлена не только на неадекватность реакции изображенного на портрете лица, но и на ложность зрительской оценки.

Способ восприятия не менее важен и при истолковании социального поведения. Показательны надписи к портрету Карамзина:

Вот милый всем творец! иль сердцем, иль умом
Грозит тебе он пленом:
В Аркадии б он был счастливым пастушком,
В Афинах – Демосфеном.
(С. 136)

Здесь юмористически использован риторический прием уподобления и допущения, часто встречающийся в надписях. Сравним с более поздней надписью Пушкина к портрету Чаадаева:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он – офицер гусарский¹¹.

В этой эпиграмме уподобления адресата имеют общий признак: носитель гражданского вольномыслия в разных обществах реализуется по-разному, но сохраняет основное свойство. При всем их различии амплуа Брута и Периклеса не противоречат друг другу, амплуа же гусарского офицера воспринимается как искажение в «оковах службы царской» той же сущности. В надписи Дмитриева иное: пастушок и Демосфен, даже как воплощения естественного поведения, слишком несходны; но человек, который эти противоположности совмещает и реализует в поведении, не оценивается как двуличный, не говорится даже, кем он стал, не сделавшись пастушком и Демосфеном. Ему, вернее его трудам, дана лишь высокая эстетическая оценка. Еще показательнее другая надпись:

Он дома – иль Шолье, иль Юм, или Платон;
Со мною – милый друг; у Вейлер – Селадон;

¹¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М., 1994. Т. 2. С. 124.

Бывает и игрок – когда у Киселева,
А у любовницы – иль ангел, или рева.
(С. 335)

Здесь перечисляются не слишком совместимые психологические и социальные модели поведения, которые мирно уживаются в одном человеке, чередуясь, реализуясь в различных обстоятельствах: разные формы поведения ситуативно разграничены. Шутливый тон доброжелателен и не имеет ничего общего с сатирой на лицемерие. Об этической оценке опять речи не идет, зато эмоциональная подразумевается. Для сравнения вспомним еще одну надпись Пушкина – к портрету Вяземского:

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род – с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой¹².

Текст выдержан в том же духе, что и надписи Дмитриева. Хотя со-
вмещение противоположностей в человеке и названо ошибкой судьбы, но
это не влечет за собой этической оценки и воспринимается как естествен-
ное, вероятно, не лишнее привлекательности. Показательно, что так оха-
рактеризован Вяземский, близкий Дмитриеву и во многом разделявший его
вкусы, в том числе и в плане поведения.

Релятивистская для своего времени трактовка Дмитриевым двойст-
венного поведения отразилась в текстах любых жанров. Принцип поэтиче-
ской басни содействовал заметному ослаблению сатирического пафоса в
ситуациях, где выведены двуличные, с традиционной точки зрения, персо-
нажи. Такова и басня «Сверчки», с которой началась статья: ханжество об-
личается в конкретном описываемом случае, само же сочетание «двух че-
ловек в одном – парадного с приватным» объявляется природным свойст-
вом характера, следовательно, явлением более сложным, и эта сложность,
равно как и неизбежность такой раздвоенности, понятна читателю, а еще
более – автору, влиятельному чиновнику, усвоившему, что в приемной и в
кабинете следует вести себя по-разному, даже имея самые благие намере-
ния. Не случайно в басне «Придворный и Протей» способность вельможи
менять обличья не хуже изменчивого божества приводит к спасению стра-
ны: персонаж одновременно выступает и как носитель порока, объект сати-
ры, и как подлинный герой, объект восхищения.

¹² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений ... С. 137.

Показательна и сказка «Модная жена». Хотя иронии подвержены в повествовании все персонажи, ни один из них не подвергается сатирическому обличению в традиционном понимании этого слова. Между тем их поведение заведомо двулично. О модной жене, обманывающей мужа, и говорить нечего. Супруг ее Пролаз «в течение полвека / Все полз да полз да бил челом» (с. 172), затем стал солидным и благодушным вельможей, но перед женой оказывается в роли робкого и угодливого поклонника. Вся эта адюльтерная история между лживыми людьми рассказана так, что воспринимается как игра: повествователь отказался от морализаторства и постоянно меняет ракурс описания, точку зрения (в нарратологическом смысле термина, конечно). Роли, принятые участниками игры, оказываются в ней вполне естественны, и они не только не заклеены, но способны вызывать если и не симпатию, то во всяком случае понимание.

Обратим, наконец, внимание на другое известнейшее сочинение – «Чужой толк». Здесь ставится проблема поведения писателя, причем именно в плоскости оппозиции «парадное – приватное». Творческая деятельность, согласно традиции, отождествляется в тексте со сферой частной жизни, где реализуется естественное состояние души, а враждебна творчеству сфера публичная, где люди принимают на себя различные роли. Порицающий одописцев «Аристарх» усматривает их порок отчасти в чрезмерном погружении в светскую жизнь:

Так часто я видал, что истинно иной
В два, в три дни рифму лишь прибрать едва успеет,
Затем что в хлопотах досуга не имеет.
Лишь только мысль к нему счастливая, придет,
Вдруг било шесть часов! уже карета ждет;
Пора в театр, а там на бал, а там к Лиону*,
А тут и ночь... Когда ж захватить к Аполлону?
Назавтра, лишь глаза откроет, – уж билет:
На пробу в пять часов... Куда же? В модный свет,
Где лирик наш и сам взял Арлекина ролю.
До оды ль тут? Тверди, скачи два раза к Кролю**;
Потом опять домой: здесь холься да рядись;
А там в спектакль, и так со днем опять простиись!

(С. 114–115)

* Лион – бывший содержатель в Петербурге вольных маскарадов (примеч. И. И. Дмитриева).

** Кроль – петербургский портной (примеч. И. И. Дмитриева).

Свет уподоблен театру, а его представитель – шуту, раз принял на себя роль Арлекина. Аналогично, как царство неестественности и обмана, описан свет в записках Дмитриева: «Со вступлением моим в гражданскую службу я будто вступил в другой мир, совершенно для меня новый. Здесь и знакомства и ласки основаны по большей части на расчетах своекорыстия; эгоизм господствует во всей силе; образ обхождения непрестанно изменяется, наравне с положением каждого. Товарищи не уступают кокеткам: каждый хочет исключительно прельстить своего начальника, хотя бы то было на счет другого. Нет искренности в ответах: ловят, помнят и передают каждое неосторожное слово»¹³.

Пародийный поэт, выведенный в «Чужом толке», как раз является любителем светской жизни и не соотносит поэзию с уединением в сфере приватной:

Мы с рифмами на свет, – он мыслил, – рождены;
 Так не смешно ли нам, поэтам, согласиться
 На взморье в хижину, как Демосфен, забиться,
 Читать да думать все, и то, что вздумал сам,
 Рассказывать одним шумящим лишь волнам?
 (С. 115)¹⁴

Дмитриев, видимо, напротив, считал творческий процесс и уединение неразрывно связанными. Это эффектно изложено в послании Державину:

Я не в отчизне, в Москве обитаю,
 В жилище сует.
 Тщетно поэту искать вдохновений
 Тамо, где враны глушат соловьев;
 Тщетно в дубравах здесь бродит мой гений
 Близ светлых ручьев.
 Тамо встречает на каждом он шаге
 Рдяных сатиров и вакховых жриц¹⁵,
 Скачущих с воплем и плеском в отваге
 Вкруг древних гробниц.
 (С. 117)

¹³ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 335.

¹⁴ Обратим внимание на амплу Демосфена, с которым Дмитриев соотносил поведение Карамзина.

¹⁵ Имеются в виду цыганские таборы в Марьиной роше.

В записках Дмитриев сообщает: «...я и в молодых годах не бывал слишком рассеян. Вместо ежедневных посещений театров, балов и многолюдных собраний любил более прогулки пешком и без товарища по загородным полям, по городским улицам, на площадях, где толпится народ; любил везде быть свободным невидимкою или сидеть за книгою, иногда же проводить время в кругу двух-трех приятелей по мыслям и по сердцу»¹⁶. Совмещение службы и творчества, по собственному признанию, казалось ему немислимым: сочинял он преимущественно во время длительных отпусков, а всерьез занявшись служебными делами, оставил литературу.

На основании сходных суждений одного из героев «Чужого толка» и автора в других сочинениях обычно содержание сатиры видят в том, что проповедуется эстетическая программа «Аристарха». «Чужой толк» – тоже игра. Собственно авторской речи там нет, а тождественность одного из трех рассказчиков автору еще нуждается в дополнительных доказательствах. От первого лица говорит именно тот, кого небезосновательно считают объектом сатиры. Однако он замечает:

Я, будучи и сам товарищ тех певцов,
Которых действию дивился он стихов,
Смутился и не знал, как отвечать мне должно.

(С. 114)

Дмитриев параллельно с «Чужим толком» создал «Глас патриота на взятие Варшавы», и вообще ему не чужда одическая форма, достаточно вспомнить его уважительные суждения о В. П. Петрове. Не только из этикетных соображений сделано и примечание к сатире – о том, что она не метит в лучшие оды.

Третий собеседник, уважающий одописцев, но чувствующий их слабости, утверждает противоположное тому, что говорит «Аристарх»: поэты погружены в светскую жизнь, но четко разграничивают ее с литературными занятиями, которым отдаются всей душой:

Ведь наш начнет писать, то все забавы прочь!
Над парюю стихов просиживает ночь,
Потеет, думает, чертит и жжет бумагу;
А иногда берет такую он отвагу,
Что целый год сидит над одою одной!

(С. 113)

¹⁶ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 268.

Уединенное писательство здесь окарикатурено, это вымученное творчество без вдохновения – столь же вредная крайность, как и растворение в светской суете. Ирония исходит, конечно, не от наивного рассказчика, а от автора, и позиция ни одного из рассказчиков иронии не выдерживает. Авторская же точка зрения оказывается неоднозначной, игриво уклоняющейся от прямых формулировок.

Предлагаемая статья не ставила задачей дать исчерпывающий анализ заявленной темы, а лишь стремилась показать, что обращение к этой теме выводит нас к исследованию некоторых основополагающих особенностей мировосприятия и литературной манеры Дмитриева.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ (1760–1837)
ЖИЗНЬ. ТВОРЧЕСТВО. КРУГ ОБЩЕНИЯ

Чтения Отдела русской литературы XVIII века

Выпуск 6

Санкт-Петербург

2010

УДК 882(09)

ББК 83

В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред. А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова [Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Выпуск 6]. – СПб., 2010. – 244 с.: ил.

Редакционный совет серии:

член-корр. РАН В. В. Окрепилов (*председатель*),
член-корр. РАН В. Е. Багно, член-корр. РАН И. И. Елисеева,
к. и. н. Е. А. Иванова (*ученый секретарь*), академик Н. Н. Казанский,
д. филос. н. Э. И. Колчинский, академик А. В. Лавров, д. п. н. В. П. Леонов,
член-корр. РАН И. П. Медведев, д. и. н. В. Н. Плешков,
академик И. М. Стеблин-Каменский

Редакторы сборника:

А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-04-14065 г)*

ISBN 978-5-86763-246-5

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2010

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2010